

ВИКТОР АРТЁМОВ

**МОСКОВСКОЕ
ЛЮБОМУДРИЕ**

Виктор Артёмов
Московское любомудрие

«Издательские решения»

Артёмов В.

Московское любомудрие / В. Артёмов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-902836-5

Славянофильство — что это? Славянофилы — кто они? Россия и Запад — союзники или антагонисты. Как звучат идеи 40-х годов XIX века сегодня.

ISBN 978-5-44-902836-5

© Артёмов В.
© Издательские решения

Московское любомудрие

Виктор Артёмов

© Виктор Артёмов, 2018

ISBN 978-5-4490-2836-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В 40-х годах прошлого века москвичи, вдали от правительственного Петербурга, чувствовали себя свободно и почти в оппозиции. «Замечательным десятилетием», «золотым веком» называли современники это время. Впервые за свою историю Москва праздновала в 1847 году свой юбилей. Одним из инициаторов этого торжества был Константин Аксаков, опубликовавший в «Московских ведомостях» статью «Семисотлетие Москвы». Исторические лекции друга и одновременно идейного противника Аксакова Тимофея Грановского собирали в аудитории Московского университета всё мыслящее или причисляющее себя к таковому общество города. Московские салоны кипели спорами о литературе, искусстве, истории, государстве, народе. Главным в спорах был вопрос о путях дальнейшего развития России.

Непосредственным толчком к расцвету общественной мысли в Москве да и во всей России послужило «философическое письмо» Петра Чаадаева, увидевшее свет на страницах журнала «Телескоп». Громом среди казалось бы ясного неба прозвучали слова о судьбе России: «Тусклое и мрачное существование, лишённое силы и энергии, которое ничего не оживляло, кроме злодеяний, ничего не смягчало, кроме рабства». Отрицание легло не только на сегодняшний день, но и на прошедшее: «Что такое жизнь человека, если память о прошлых событиях не связывает настоящего с прошедшим! Мы же, – считал Чаадаев, – придя в мир, подобно незаконным детям, без наследства, без связи с людьми, жившими на земле раньше нас, мы не храним в наших сердцах ничего из тех уроков, которые предшествовали нашему собственному существованию. Наши воспоминания не идут далее вчерашнего дня... С первой минуты нашего общественного существования мы ничего не сделали для общего блага людей; ни одна полезная мысль не родилась на бесплодной почве

нашей родины; ни одна великая истина не вышла из нашей среды; мы не дали себе труда ничего выдумать сами, а из того, что выдумали другие, мы перенимали только обманчивую внешность и бесполезную роскошь. Исторический опыт сейчас не существует».

Приговор «философического письма» стал, по образному выражению современников, той перчаткою, которая разъединила два если не соединённые, то и не разъединённые лагеря мыслящих и пишущих людей. Были подняты острые и совсем не отвлечённые для них вопросы о значении нашей страны и русского народа, об отношении России и Европы, Востока и Запада, о вере и её инвариантах.

Почти в ежедневных спорах противники оттачивали свои аргументы и доводы, дополняли и расширяли круг проблем. В конце 30-х – начале 40-х годов в московских салонах ясно обозначились два направления или две «партии», если пользоваться формулировками того времени. К одной из них принадлежали Грновский, Корш, Кетчер, Боткин, Кавелин, Герцен, Огарёв и их многочисленные соратники из Петербурга во главе с «неистовым Виссарионом».

К другой – Хомяков, братья Киреевские, Константин Аксаков, Самарин, Валуев, Чижов, Кошелев.

Как только не называли друг друга спорщики! В конце концов за представителями первого направления закрепилось название западников. Иногда их называли «петербургской партией». Сторонники второго направления долгое время отказывались признавать данное им противниками название славянофилов. Они предпочитали считать себя представителями русского или московского направления. Горячий патриот Москвы К. Аксаков в упоминавшейся уже статье «Семисотлетие Москвы» напомнил известные слова Наполеона: «Столица ваша Москва, а не Петербург, который не что иное, как резиденция Государя». Москва мыслилась Аксаковым как «представительница общей русской жизни, жизни всей Русской земли. Жизни земской (собственно народной)». Отсюда и вытекало название «московская партия» – партия сторонников самобытного пути развития России. Впрочем, позднее эта партия примирилась и с названием «славянофилы», поскольку в круг её интересов входило внимание к жизни всех славянских народов.

Характерно, что вскоре московские и петербургские власти также обнаружили для себя наличие «московской партии». В III Отделении был даже составлен список членов партии (в глазах ряда чиновников она ничем не отличалась от кружка Петрашевского в Петербурге или Кирилло-Мефодиевского общества в Киеве по своей оппозиционности), и за ними установлен строгий надзор полиции и цензуры. «Власть убеждена, что в Москве образуется политическая партия, решительно враждебная правительству», – писал друзьям из Петербурга Юрий Самарин. Такое отношение, кстати, крайне затрудняло для славянофилов возможность высказывать свои взгляды в печати.

Однако в начале 40-х годов шёл ещё свободный спор представителей обоих «партий», окончательно не разошедшихся друг с другом и не успевших ещё обратить на себя внимание правительства. История России и история Европы, прошлое и его оценка стали одним из камней в баррикаде, разъединившей этих «друзей-врагов». И это не случайно. «История поглотила внимание всего человечества, – замечал Герцен, – и тем сильнее развивается жадное питание прошедшего, чем яснее видят, что бывшее пророчествует, что, устремляя взгляд назад, – мы, как Янус, смотрим вперёд».

Вывод Чаадаева о вторичности и незначительности исторической судьбы России становился звеном в логической цепи, завершившейся «негативным патриотизмом». Нет прошлого – нет и будущего. Благо России, движение вперёд должно было заключаться, по мнению западников, в коренной ломке самобытной жизни, органической переделке её по образу европейских традиций и в усвоении достижений западных цивилизаций, имевших настоящую. Яркоую, полную событий и фактов историю.

Этот призыв к всецелому копированию европейского пути, не учитывающий и отбрасывающий особенности, отличия внутренней жизни народа и государства, вызвал острую

реакцию в среде многих писателей и мыслителей, и способствовал ускорению кристаллизации зарождавшегося славянофильского направления.

Но, наверное, одним из первых, высказавших упрёк «единственному другу», был Пушкин. За несколько месяцев до гибели в не отправленном послании к Чаадаеву поэт решительно опроверг доводы «философического письма» об исторической ничтожности России: «Войны Олега и Святослава и даже отдельные усобицы – разве это не жизнь, полная кипучего брожения и пылкой и бесцельной деятельности, которой отличается юность всех народов. Татарское нашествие – печальное и великое зрелище. Пробуждение России, развитие её могущества, её движение к единству, к русскому единству, разумеется, оба Ивана, величественная драма, начавшаяся в Угличе и закончившаяся в Ипатьевском монастыре, – как, неужели всё это не история, а лишь бледный и полузабытый сон?.. Это Россия, это её необъятные пространства поглотили монгольское нашествие. Татары не посмели перейти наши западные границы и оставить нас в тылу. Они отошли к своим пустырям, и христианская цивилизация была спасена. Для достижения этой цели мы должны были вести совершенно особое существование, которое, оставив нас христианами, сделало нас, однако, совершенно чуждыми христианскому миру, так что нашим мученичеством энергичное развитие католической Европы было избавлено от всяких помех».

«Но, – заверял Пушкин Чаадаева, – клянусь честью, что ни за что на свете я бы не хотел переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог её дал».

Взгляд славянофилов на русскую историю во многом отличался от пушкинского, но так же, как и Пушкин, они стремились показать, что не всё на историческом пути России было плохо, хотя подходили к этому выводу с иной стороны. Для опровержения необходимости подражательности и обоснования возможности самостоятельного развития представители «московской партии» стремились к более многостороннему изучению прошлого, к более объективной его оценке.

В старом есть то, замечает Хомяков, чего нет в новом; неплохо бы поглубже узнать это старое. Русская история становится предметом пристального изучения Хомякова, Ивана Киреевского, Аксакова, Самарина. Пётр Киреевский собранием народных песен по-своему опровергал мысль Чаадаева о русском прошлом, показывая «грациозные образы в памяти народа» и «мощные поучения в его преданиях», находя в фольклоре «почтенные памятники», воссоздающие героизм величие национальных исторических событий. Параллельно поискам отличительных и своеобразных черт в прошедшем и современном развитии России «московская партия» разрабатывала свою отрицательную оценку европейской цивилизации по различным аспектам: религиозным, нравственным, экономическим, правовым, юридическим.

Карикатурно, по мнению Ивана Киреевского, выглядят европейские начала, взятые отдельно от прежней жизни и положенные в основание нового народа. Казалось, восклицал он, какая блистательная судьба предстоит Соединённым Штатам. Однако «развились одни внешние формы общества и лишённые внутреннего источника жизни, под наружную механику задавили человека. Явное презрение всякого мышления, не ведущего к материальным выгодам, мелочные личности без общих основ, пухлые фразы с самым узким смыслом, осквернение святых слов: человеколюбия, отчества, общественного блага, народности, до того, что употребление их сделалось даже не ханжество, но простой общепринятый штемпель корыстных расчётов; наружное уважение к внешней стороне законов, при самом наглom их нарушении; дух сообщества из личных выгод, при некраснеющей неверности соединившихся лиц, при явном неуважении всех нравственных начал».

Славянофилы не раз подчеркивали недопустимость механического переноса чужих форм, структур, ставших результатом иного, отличного от русского, исторического развития на нашу почву. Это не только не даст результатов, полагали они, но может привести к новым непредвиденным бедам. «Полное усвоение западной образованности невозможно, – писал Киреевский, – но если это исполнится, то единственный результат его заключается не в просвещении, а в уничтожении самого народа. Ибо что такое народ, если не совокупность убеждений, более-менее развитое в его нравах, в его обычаях, в его языке, его понятиях, в его религиозных, общественных и личных отношениях, – во всей полноте его жизни».

Яростные споры в литературных салонах закончились полным разрывом между бывшими друзьями. Первым, по воспоминаниям Анненкова, «почувствовавшим несообразность положения людей, изловчающихся как можно приличнее и ласковее наносить друг другу если не смертельные, то очень тяжелые раны, был благороднейший и последовательнейший Константин Сергеевич Аксаков». Трогательным было прощание его с Герценом и Грановским. Герцен впоследствии писал, что, встретившись случайно, уже после разрыва, с ним на улице, Аксаков бросился к нему и крепко обнял:

– Мне слишком больно, – сказал он, – проехать мимо вас и не проститься с вами. Вы понимаете, что после всего, что было между вашими друзьями и моими, я не буду к вам ездить; жаль, жаль, но делать нечего. Я хотел пожать вам руку и проститься.

К Грановскому Аксаков приехал ночью, разбудил его, бросился к нему на шею и, крепко сжимая в своих объятиях, объявил, что приехал к нему исполнить одну из самых горестных и тяжелых обязанностей своих – разорвать с ним связи и в последний раз проститься с ним как с потерянным другом, несмотря на глубокое уважение и любовь, какие он питает к его характеру и личности. Он уехал от него сильно взволнованный и в слезах.

В наше время с удивлением и завистью читаешь описание подобных сцен. Сейчас трудно поверить в такие душевные порывы идейных врагов. Полтора века спустя прошлое видится сквозь эпоху «борьбы», когда с идеологическими противниками так не церемонились. Сложно поверить в существование людей, споривших о будущих судьбах России и не выторговывавших в этом будущем спецполномочий для себя. Более того, современному человеку, вынужденному почти всё своё время вкладывать в работу и не успевающему даже задуматься о собственных перспективах, непривычна и сама по себе постановка вопроса о будущей миссии России. Такое положение дел предполагает, что о

будущем всего общества думает кто-то ещё, так сказать, по должности, вследствие полного разделения труда. К сожалению, ход исторического развития часто показывает неоправданность такого предположения.

Формирование «русского воззрения», так называемого славянофильства, было одним из самых важных явлений в истории умственной жизни России XIX века. Вопросы, затронутые славянофилами, надолго стали главными для русского общества, для русской интеллигенции. В ходе разработки и развития московского направления круг этих вопросов расширялся, и все новые и новые проблемы получали своё решение в свете их посылок. Это решение вырабатывалось порой из противоположной, западнической точки зрения. Таков был путь Ивана Киреевского, бывшего «европейца»; от увлечения немецкой философией, шеллингианством и гегельянством. Из кружка Станкевича пришел к «русскому воззрению» Константин Аксаков. Учение славянофилов с трудом пробивало себе дорогу. Что только не выдавалось повальным хором тогдашней учёности и журналистики за альфу и омегу их вероучения! Но искажения и передёргивания, чуждые наслоения и насмешки не могли всё же ослабить силу их влияния. Уже современники, непосредственные участники споров и литературной борьбы из противоположного лагеря в своей оценке не были постоянны, во всяком случае они колебались. Белинский, инициатор полного разрыва личных отношений между «друзьями-врагами», видимо, смягчил бы отношение к «партии Москвы». «Насколько становился Белинский снисходительнее к русскому миру. Настолько строже и взыскательнее

относился он к заграничному, – писал Анненков о последних годах жизни критика. – С ним случилось то, что потом не раз повторялось со многими из наших самых рьяных западников, когда они делались туристами: они чувствовали себя как бы обманутыми Европой...»

В этой первоначальной стадии, в истории споров в Москве, в истории встреч и, наконец, разрыва «друзей-врагов», самым наверное, парадоксальным стало отношение Чаадаева, владельца перчатки, разделившей спорщиков, к новому направлению, его колебания. Новые изыскания. Писал он, имея в виду исследования славянофилов, «познакомили нас со множеством вещей, оставшихся до сих пор неизвестными, и теперь уже совершенно ясно, что мы слишком мало походим на остальной мир, чтобы с успехом подвигаться по одной с ним дороге». Если мы и не всегда были одного мнения о некоторых вещах, развивает свою мысль Чаадаев, мы, может быть, со временем увидим, что разница в наших взглядах была не так глубока, как мы думали. «Я любил мою страну по-своему, вот и всё, и прослыть за ненавистника России было мне тяжелее, нежели я могу вам выразить... Ничего не мешает мне более отдаться тому врождённому чувству любви к родине, которое я слишком долго сдерживал в своей груди».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.